

ЗМЕНИТЕЛЬ ЖИЗНИ

ЧАСТЬ 1

АЛЕКСАНДР СОЛИН



18+

Александр Солин

Изменитель жизни, часть 1

<https://litres.ru/74687963>

SelfPub; 2026

Аннотация

В наше научное и безнравственное время, когда каждый имеет свою точку зрения, а его точка зрения имеет всех остальных, когда принцип относительности возводит ложь в закон, а истина многолика, все зависит от положения наблюдателя. И только наше личное прошлое неизменно, с какой стороны на него ни посмотри. Весь вопрос в том, согласны ли мы принять его таким, какое оно есть.

Александр Солин

Изменитель жизни, часть 1

*Давайте жить так, чтобы даже
гробовицк оплакивал нашу кончину.*

М. Твен

*Надо любить жизнь больше,
чем смысл жизни.*

Ф.Достоевский

Начинается все с некоего неясного беспокойства. Оно брезжит в глубине, прикидывается важным – неопознанное, неназванное, незваное. Как анонимный напористый посетитель, о котором секретарша смущенно докладывает: там вас хотят видеть, и вы раздумываете – впустить или не впустить. Впускаете и обнаруживаете, что к вам с визитом ваше прошлое. Нет посетителя более бесцеремонного и навязчивого, чем явившееся без приглашения бывшее. Велеречивое и беспощадное, оно как ущербная луна, темная часть которой и манит, и пугает. Что поделаешь, такова участь прошедшего времени, частью которого мы являемся: совершённое, оно не всегда совершенно.

В наше научное и безнравственное время, когда каждый

имеет свою точку зрения, а его точка зрения имеет всех остальных, когда принцип относительности возводит ложь в закон, а истина многолика, все зависит от положения наблюдателя.

Например, Млечный путь в нашем представлении является таковым потому что мы смотрим на него сбоку, а на самом деле это обсыпанная звездной пудрой ватрушка.

Каждое деление солнечных часов считает важным только тот угол зрения, под которым смотрит на него солнце.

Часы каждую секунду показывают время, которое для одних является днем, а для других - ночью.

По-разному выглядят предметы, если смотреть на них вблизи или издалека, сверху или снизу.

Значение мировых событий зависит от того, смотрят ли на них с Запада или с Востока, а спектральный анализ моей истории - от того, под каким углом падают на нее лучи читательского интереса.

И только наше личное прошлое неизменно, с какой стороны на него ни посмотри. Весь вопрос в том, согласны ли мы принять его таким, какое оно есть.

Кровать привезли через два дня. Позвонили, предупредили, и спустя полчаса легкий, крылатый грузовичок протиснулся сквозь гущу запрудивших двор легковых собратьев

и, развернувшись, распахнул нетерпеливые створки в сторону моего ничем непримечательного московского подъезда. Два ловких, в отутюженной униформе человека на мягких подошвах внесли, распаковали и представили моим глазам нечто странное, а главное, близко не похожее на то, что я заказывал. На мое недоуменное «Эээ...» один из них предупредительно ответил, что служба доставки помочь моему изумлению не уполномочена, но что это непременно сделает абонент, номер которого указан в приложенной к товару инструкции. После чего пожелал всего наилучшего и бесшумно удалился вслед за напарником, оставив меня в возмущенном недоумении.

Ах да, забыл представиться. Извольте: Серж Натуроведов, холостяк под сорок, переживающий в текущий момент глубочайший экзистенциальный кризис. Согласитесь: в перечисленном что ни факт, то синдром поздней осени. Взять хотя бы фамилию, которая досталась нам с отцом от беспризорного деда, получившего ее в свою очередь в советском детприемнике за неподдельный интерес к разного рода природным явлениям. Чутьем он был слит с природой, как купец с выгодой. Пока был жив, пытался привить свою привязанность мне, но безуспешно: в отличие от него я человек нецельной, нестойкой природы, отсюда, видно, и кризис. Теперь деда нет, а фамилия осталась. К ней что ни приставь, все в лыко, все в строку, все в рыло. Ну и натерпелся же я! Как только ни обзывали меня мои малолетние сверстники,

которым я, закусив удила обиды, не давал спуску! Дуроведов, Дармоедов, Людоедов, Ядоедов, Кишковедов и вдобавок ко всему, а вернее, впереди всего поедатель содержимого канализации. До чего же детская фантазия находчива и зла! Когда подрос, стали звать Натурой и, встречая, хлопали по плечу: «Привет, Натура в натуре!». Потом стал Серегой, а позже с легкой руки кудрявой, волоокой одноклассницы - Сержем. Окончив школу, поступил в университет на журфак, выпустился оттуда, сменил три работы, попутно женился, развелся, и теперь вот пытаюсь нащупать твердый наст под моим рыхлым существованием, огорчая отца и мать не соответствующим моим способностям положением. Замечу, однако, что на скромную жизнь мне вполне хватает. Могу даже позволить себе поменять кровать, страстный стон которой навевает на мою нынешнюю страстию ревнивые мысли о моих прежних удовольствиях. Что ж, быть женщиной в постели - нелегкий труд, от него обильно потеют. В такие минуты ревнивые мысли неуместны. Пришлось уважить ее жаркую, потную, пахучую щепетильность, и вот теперь я стою в двух шагах от узкого гладкого лежака, более подходящего для летаргического небытия, чем для беспокойного вертлявого сна, и ломаю голову, что с ним делать. Да на этом прокрустовом ложе не то что любовью заниматься - под наркозом не улежишь! И этот экран, этот пульт, этот колпак в изголовье - зачем они, для чего? В сердцах я схватил трубку, набрал написанный на обложке инструкции номер телефона

и выпалил в того, кто мне ответил:

- Послушайте, я заказывал у вас кровать, а мне привезли черт знает что! Это как понимать?! Это что, какая-то ошибка?!

- Сергей Климентьевич, если не ошибаюсь? – осадил меня некий вкрадчивый баритон.

- Он самый!

- Очень рад вас слышать! – с достоинством приветствовал меня баритон и далее деловито: - Нет, никакой ошибки нет, а есть некоторое отступление от заказа. Предварительная опция, так сказать.

- Какая к черту опция?! Еще скажите, что я должен за нее заплатить!

- Нет, платить ничего не надо. Более того, мы готовы компенсировать вам все неудобства, если...

Баритон замер, словно цирковой шпрыхшталмейстер перед объявлением смертельного номера.

- Если что? – не выдержал я.

- ...если вы согласитесь на наше предложение.

- Какое еще, к черту, предложение?!

- Самое что ни на есть лестное. Можно сказать, эксклюзивное.

- Да? И какое же?

- Не удивляйтесь, но оно касается сокровенных тайн жизни.

- Тайны жизни от магазина мебели? Тогда дайте-ка, уга-

даю, — хохотнул я и, выдержав паузу, насмешливо объявил: - Вы хотите с моей помощью проверить, можно ли зачать ребенка на гладильной доске. Угадал?

- То, что зачать ребенка можно на чем угодно это мы, Сергей Климентьевич, и без вас знаем.

- Тогда что? - проснулось вдруг во мне потомственное любопытство, скукоженное отчеством до третьей производной. Почему-то все считали, что отца моего назвали в честь Ворошилова, и я всегда с досадой поправлял, что Тимирязева. Видимо, из тайного желания принадлежать к натуралистам, а не к ворошителям жизни.

- Давайте сделаем так... - ослабил хватку баритон. — Ознакомьтесь для начала с инструкцией, и если возникнут вопросы, перезвоните.

- А если не возникнут?

- Все равно перезвоните.

На этом связь оборвалась.

2

Назвать инструкцией глянцевого, непорочной белизны корочки (если не считать пороком написанный от руки номер телефона в верхнем левом углу) с вложенным туда листком было неуважительным нахальством с их стороны. Презентация рядового утюга и та во сто крат представительней. Я извлек заполненный близоруким текстом листок. В глаза бро-

силась кокетливо бегущая строка из тех, что призваны цеплять сразу всех и каждого:

«Прошлого не вернешь, будущего не минувешь. Мы поможем вам выбрать будущее, которое вы заслуживаете»

И далее по существу:

«Подключите аппарат к сети (на пульте должен загореться индикатор напряжения), откройте меню и выберите желаемую позицию. После этого примите горизонтальное положение так, чтобы ваша голова оказалась в сенсорном шлеме, и вытяните руки вдоль туловища. В течение минуты аппарат установит контакт с вашим мозгом, о чем сообщит звуковым сигналом. Закройте глаза и приготовьтесь к сеансу, который займет 5-6 минут. Об окончании сеанса аппарат известит прерывистым звуковым сигналом. Оставайтесь в горизонтальном положении до исчезновения признаков дискомфорта. После сеанса не следует резко занимать вертикальное положение. Промежуток между сеансами 12 часов. Во избежание нежелательных последствий избегайте крайних значений выбранных параметров. По всем вопросам эксплуатации обращайтесь к производителю»

Мало что поняв, я перевернул листок, надеясь обнаружить на обратной стороне мелкий шрифт, в котором в наше время, как известно, прячется дьявол, не нашел и погрузился: вдобавок ко всем моим неприятностям попасть в поле зрения шарлатанов – не иначе судьба махнула на меня рукой! Нет, но какова наглость: они мне, видите ли, помогут

выбрать будущее моего размера, стоит лишь пожелать! Преднесут его, понимаешь, отутюженное на плечиках или как золотую рыбку на блюдечке с голубой каемочкой! Да, видал я на своем веку неразборчивых в средствах жуликов, с виртуозным вдохновением обиравших падких на чудеса граждан, но чтобы покуситься на самое святое – это же до какой степени цинизма надо дойти!

Побегав по квартире и умерив возмущение, я пригляделся к аппарату и после пристрастного осмотра вынужден был признать, что в нем нет ни грамма той гаражной кустарщины, какой нынче грешат наши доморощенные рукоделы. Все в нем дышало, сверкало и отливало высокотехнологичным качеством. Если бы не легкомысленная инструкция и отсутствие малейшего намека на происхождение. Поборов соблазн включить аппарат в сеть, чтобы наполнить его электромагнитной жизнью (с детства люблю электрические игрушки), я взял трубку и, поколебавшись, вызвал неизвестного абонента на дуэль.

- Слушаю вас, Сергей Климентьевич! - с живым энтузиазмом отозвался все тот же баритон. - Итак?

- Это я вас слушаю, простите, не знаю, как вас звать-величать! – шагнул я к барьеру.

- Зовите меня просто Кристоф.

- Хорошо. Итак, я ничего не понял, кроме того, что вы не прочь выбрать мне будущее.

- Не совсем так, Сергей Климентьевич. Выбирать будете

вы, мы вам в этом только поможем.

- И каким же это образом?

- По сути все просто, - оживился баритон. - Вы как человек сведущий должны знать, что у всякой Вселенной – а их, между прочим, множество – свой набор физических констант. Измените хотя бы одну, и это будет другая Вселенная. Ну, правда, ведь – слышали, читали?

- Ну, положим!

- Так вот с людьми происходит нечто подобное. Каждый личность отличается от другой набором только ей присущих психических свойств. Измените хотя бы одно из них, и это будет другая личность. Улавливаете, к чему я клоню?

- Нет.

- Это потому что вы не видите здесь проблемы. А проблема в том, что личность, может, и желает стать другой вселенной, да не может. Во-первых, она не сама себя формирует, а во-вторых, сформировавшись, она кристаллизуется, и поменять ее структуру также сложно, как изменить структуру кристалла.

- А зачем, скажите на милость, личности меняться, если она всем довольна? – сокращал я дистанцию.

- Уверяю вас: нет ни одной личности, которая была бы всем довольна. Возьмите хотя бы себя.

- Ну, взял, и что?

- А то, что судя по вашему прошлому ваша личность далека от совершенства. Взять хотя бы ваши отношения с быв-

шей женой, матерью вашего сына...

- Откуда вам это известно? – неприятно задетый, остановился я в паре шагов от барьера.

- Скажем так – от верблюда, – скользнул в голос абонента легкий смешок. - А если серьезно, справки навели. Нынче это плевое дело. Вам ли как журналисту этого не знать. Мы, знаете ли, кому попало предложение не делаем...

Желая поскорее со всем покончить, я взвел курок:

- Короче, чего вы хотите?

- Тут важно, Сергей Климентьевич, чего хотите вы. А вы, мне кажется, хотите выбраться из жизненного тупика. Только уверяю вас, без нашей помощи вам не справиться.

- А я уверяю вас, что если захочу, то сделаю это сам!

- Не сделаете, дорогой Сергей Климентьевич, не сделаете! Многие пытались, да только там и остались! Усилий самой личности здесь недостаточно, тут требуется серьезное психоэнергетическое вмешательство, а это можно сделать только с помощью нашего прибора. Он тем и замечателен, что за несколько минут может менять свойства человека по его усмотрению. Злой станет добрым, нерешительный – решительным, трус – смелым, и так далее. Это ли не чудо?

- Это шарлатанство!

- Хорошо, тогда скажите, что вас смущает.

- Да я даже вникать не хочу! Все что меня интересует, это когда мне привезут кровать и заберут ваше чудо! – не терпелось мне взять его на мушку.

- Сергей Климентьевич, вы же журналист, - с ангельским терпением наседавал баритон. - Другой на вашем месте благо-словил бы судьбу за такой подарок! Или вы совсем нюх по-теряли? Где ваш опыт, *сын ошибок трудных*, где ваша бывшая вера в счастливый случай? Ну, хорошо, не хотите меняться, не надо, но неужели вам неинтересно знать, как это работа-ет?

- Это не может работать, - не отступал я.

- Не может работать только вечный двигатель, а все остальное очень даже может! Вы же не станете отрицать, что внешние воздействия способны на время изменять наши свойства! Возьмите тот же алкоголь! Его употребляют для веселья, для храбрости, для вдохновения! Разве не так?

- Ну, так, - угрюмо согласился я.

- Мы тоже используем внешнее воздействие, но в отли-чие от алкоголя наш аппарат, во-первых, меняет практиче-ски всю линейку свойств личности, а во-вторых, надолго, и главное, без ущерба для ее физических кондиций. С его по-мощью вы сможете активировать или дезактивировать в себе то или иное свойство. Подретушировать, так сказать, ваш ха-рактер. Немаловажно, что при желании вы можете вернуться в исходное состояние.

Перед тем как прицелиться, я дал ему последний шанс:

- Все это, конечно, интересно, только с какой стати я дол-жен подвергать мои мозги электромагнитному излучению, веря на слово неизвестно кому?

- Тут вы правы – наша технология не имеет аналогов, а стало быть, нет и референций, – подставил безоружную грудь балагур. - Но это как раз и понятно: она же революционная! Наши достижения больше чем фантазия - они часть будущего! Вы только представьте, что будет, когда наши аппараты заработают по всему свету! Мир наполнится совершенными личностями и в корне изменится, а вы войдете в историю как один из первопроходцев и покроете свое имя вечной и благодарной славой! – рвал на себе манишку баритон.

- Вы сказали «один из», – убрал я палец со спуска. - Значит, есть и другие?

- Не есть, Сергей Климентьевич, уже были!

- И каковы результаты?

- Результаты не просто обнадеживающие – они блестящие! Именно они дали нам возможность перейти от лабораторных условий к домашним!

Я медлил, и баритон заторопился:

- Понимаю ваши сомнения, а потому сделаем так: вы берете тайм-аут, думаете и как только что-то решите, звоните нам. В любом случае вашу кровать вам завтра привезут...

- ...И пусть заберут то, что привезли сегодня.

- Давайте все-таки подождем день-два, - с пружинистой настойчивостью попросил баритон. - Не торопитесь, подумайте! Утро, как говорится, вечера мудренее.

- Хорошо, я подумаю, - отступив от барьера, вернул я ку-

рок в исходное положение. - Но тогда пусть ваши люди заберут старую кровать. Ей-богу, с этим вашим аппаратом у меня теперь не развернуться!

Обладатель убедительного баритона повеселел и горячо заверил:

- Обязательно заберем! Для будущего музея заберем! Представляете табличку: «На этой кровати перед тем как шагнуть в бессмертие спал и грезил Сергей Климентьевич Натуроведов»!

Я смутился и захотел отступного:

- У меня к вам последний вопрос. Очень для меня важный.

- Слушаю вас!

- Почему вы выбрали меня? Почему решили, что я больше других подхожу на роль доверчивого дурачка?

- Вас выбрал наш компьютер, а он никогда не ошибается, - ловко увернулся неизвестный абонент, да и был таков.

Другими словами, мы сошлись, но выстрелов не последовало.

3

Не знаю, как насчет сокровенных тайн жизни, но приманку мне подбросили самую, что ни есть лакомую: будущее. Какой, однако, многообещающий посыл! Если, конечно, отнестись к нему всерьез. Только какой у меня на то резон?

Всё мое прошлое было когда-то многообещающим будущим, да вышло мне боком, отчего я сегодня влачу серые дни, и редкие радости их цвета не меняют. А ведь бывало оно и улыбчивым, и солнечным, и цветастым, а теперь его у меня даже в залог не примут. Впору и вправду идти в подопытные кролики! А между тем я родился здоровым, нервных потрясений в детстве не испытывал, свинкой не болел, без аномалий и предрасположенностей. Совестьлив, не подличал, отчего переживательных контрастов, подобных *«упоению от мучительного сознания низости»* не знал. Эмоционален, остроглаз, тонконос, ловок, смышлен, приветлив, независим. Гибкого, но крепкого телосложения, с акварельной смуглости кожей, с приятными чертами лица, русой, исключаящей малейший намек на будущую лысину шевелюрой и предметом моей особой гордости – серыми, в обрамлении мохнатых ресниц глазами, чья притягательность вкупе с пухлогубым, чувственным ртом была многократно и убедительно подтверждена представительницами слабого пола.

Самое пустое и неблагодарное занятие – копаться в себе. Вопреки расхожему мнению *«кто знает нас лучше, чем мы сами»* большинство людей себя не знают и знать не хотят. Если позволено мне будет кинуть камень в огород поведенческой теории личности, в киллеры и диссиденты идут не потому что их этому научили, а потому что они ими родились. Мы живем, отравленные наследственным ядом времени, который нас и разрушает. Кто-то мечтает умереть на баррика-

дах, кто-то в небе, кто-то в оркестровой яме, и если мы не задаем себе неудобных вопросов, то только потому что ответы на них нам известны. Из всех капитальных строений нам милее воздушные замки и наша жизнь – один из них. Жизнь – это лабиринт, и неважно, кто нас по нему ведет – мы сами или же судьба. Как бы и сколько мы ни плутали, выход один, и нет разницы, явишься ты на выход святым или порочным. Тогда какой прок копать в себе?

Иной взгляд на жизнь у Сеньки Лифшица, моего друга, оппонента и сокурсника, с которым мне регулярно приходится практиковать курсы алкогольной психотерапии то в качестве пациента, то гуру. Он говорит: сорок лет - вот истинная вершина отведенного нам срока. Это возраст, когда костер человеческих способностей разгорается до белого пламени. Возраст, когда становится ясна цель тех хаотичных, бессмысленных с виду устремлений, что продираясь сквозь джунгли случайностей, ведут нас к перевалу, откуда открывается вид на прекрасный город Жизни. У Сеньки Лифшица все основания так говорить, я же к своим неполным сорока годам прослыл неуживчивым нонконформистом. Но попробуйте указать мне на мои недостатки, и я в ответ с негодованием укажу вам на дверь. Я честен, надежен, совестлив, человечен и этого достаточно, чтобы чувствовать себя цивилизованным гуманоидом. Да, я несовершенен, но одинокое дерево на ветру никогда не будет ровным, и горчащей мудрости без разочарований не достичь. Основатель-

ному я предпочитаю текучее и плакучее, мне претит копать-ся в грязном человеческом белье, и я никогда не стану делать черно-белое цветным. Меня коробит неряшливая кухонная речь, равно как и истории, в которых нет эстетики: я воспаляюсь только от красоты. Ко всему прочему я патриот, и если чем-то недоволен, то не злобно, а конструктивно. Да, меня часто упрекают в непоследовательности, но если быть последовательным, придется признать вину за все, что я мог, но не совершил, а я не поклонник мазохизма.

Что касается брошенного мне вскользь упрека по поводу моей бывшей жены – не скрою, он меня задел. А все потому что это единственное, чего я не могу ни простить себе, ни исправить. В минуты грусти я спрашиваю себя: стоит ли придавать значение тому, что рано или поздно должно случиться? Небытие, например. И всегда отвечаю: конечно, стоит! С той лишь разницей, что теряя жену, мы оцениваем урон задним числом, в то время как теряя жизнь, мы теряем возможность оценивать ее саму и все что с ней связано, отчего следует это делать заранее. Возьмите, к примеру, грибы: в природе их несколько сотен тысяч видов, и все называются грибами. Среди них встречаются весьма красивые - мухоморы, например. Очевидно, что видов любви куда больше, чем видов грибов - хотя бы потому что каждый считает свою любовь единственной и неповторимой. Однако съедобных видов любви, как и грибов - единицы. А между тем половой акт есть лучший способ это выяснить. Тем более если он со-

вершается по случаю, либо по большой любви. Как у меня с бывшей женой: после случая – большая любовь. Никогда не забуду шальной корпоратив и в центре моего изумленного внимания ничего не подозревающую, очаровательную, застенчивую девочку с журфака, по счастливой случайности попавшую в нашу компанию. Я смотрел на нее как на нечто, что всегда было во мне и вот теперь оказалось вне меня, и должно было в меня вернуться и принадлежать только мне, как моя жизнь и моя смерть. На мое счастье среди всех она выбрала меня и ушла со мной. К моему удивлению я оказался у нее первым. На этом сюрпризы не закончились: как она до меня ничего не смыслила в мужчинах, так и я до нее ничего не смыслил в любви. Но до чего же быстро к невинным девушкам приходит опыт и как основательно они устраиваются в мужском сердце! Два года я плавал в розовом чаду, на третий мы по взаимной любви и сердечному согласию поженились. Через два с лишним года у нас родился сын, а еще через шесть лет я, сам того не желая, изменил ей. Изменил самым нелепым и трагикомичным образом. Проснувшись среди ночи изрядно нетрезвым в чужой постели, я едва не умер от стыда и поспешным, покаянным бегством не на шутку оскорбил корыстные (был расчет, был!) чувства давно и страстно добивавшейся меня коллеги. Уязвленная, она сообщила о моем грехе жене, представив меня в самом домогательском, разнузданном, ненасытном виде, и как ни пытался я убедить ее в обратном, потрясенная жена потребо-

вала развод, и через два месяца мы стали антителами, антимирами. «Увы, ложь всегда убедительнее правды» - записал где-то глубоко внутри меня мой сокрушенный летописец. И вот уже три года я живу один. Последние полгода ко мне с крепнущей регулярностью приходит моя утешительница Варвара - чужая мне женщина, у которой кровь другого состава (кстати, не забыть позвонить ей и перенести встречу на завтра). Добавьте к этому мою профессиональную неудовлетворенность, и вот перед вами разочарованный, нуждающийся в капитальном ремонте человек. Как хотите, но я не верю, что возможно исправить мою безнадежно покалеченную личность каким-то сомнительным внешним воздействием.

И все же почему ложь убедительней правды – оттого ли что ее не ждешь или, наоборот, взыскуешь?

4

Наутро позвонили, попросили назначить время, и я им назначил на четыре часа пополудни. Приехали те же люди, аккуратно и бесшумно разобрали и вынесли старую кровать, затем занесли и собрали новую и, вежливо распрощавшись, удалились. Аппарат я пристроил в дальнем углу другой комнаты и прикрыл покрывалом.

Через два часа явилась Варвара. Окинула кровать прищуренным взглядом, плюхнулась на нее задом, придирчиво по-

качалась и улыбнулась, довольная. После этого прошлась по квартире, подбирая разбросанные вещи и, увидев аппарат, спросила:

- А это что?

- Сосед попросил поддержать день-другой, - неловко соврал я.

Перед тем как перевоплотиться в любовницу, Варвара пошла на кухню, превратилась в кухарку и приготовила легкий ужин. Собственно говоря, жена и есть совокупность этих двух функций – кухарки и любовницы. Поужинав в атмосфере семейного уюта, мы с улыбчивой доверительностью перебрали последние сплетни и новости, после чего удалились в спальную. Обнажившись и расчеловечившись, мы творили древнейший и примитивнейший, в одном ряду с приемом пищи и опорожнением кишечника акт, что пережил века и достался нам в допотопном виде. В нем то же творческое однообразие, с которым наши дикие предки, присев на корточки, добывали огонь, то же неизменное и обязательное, чем занималось, занимается и будет в обозримом будущем заниматься человечество. Добротный секс не может быть красивым - тяжелее только бурлакам. Мечтательные постанывания, скулящий восторг – такова животная ипостась ироничной, вышколенной редакторши гламурного ресурса, который меня, неприкаянного, приютил. За этот исчерпывающий, искрометный, творимый с галльским бесстыдством секс я звал ее Варвара дочь варвара. Лежа рядом, я вспоми-

нал как вслед хрупким, пугливым росткам первых удовольствий в жене махровым цветом распускалась лишенная малейшей тени распушенности чувственность. Как на крепнущем стебле желания наливались соком экзотические листья неведомых ощущений и как радовали глаз и слух кипящие соцветия белоснежных оргазмов. Где любовь - там слезы, где любовь и слезы - там счастье. Я был с ней счастлив, я был безмерно счастлив! Это когда не знаешь, что сказать, но знаешь, что делать. Это иступленное молчание и неистовая жажда жизни, это объятия и поцелуи - одновременно яростные и нежные. И все это теперь в прошлом, путь куда мне заказан.

- Ну вот, теперь другое дело... - очнулась Варвара.

- Ты о чем?

- Об этом ужасном скрипе...

- И все-таки в нем было что-то возбуждающее...

- Возбуждающее ревность... Нет уж, новая кровать – новая жизнь...

С минуту помолчали.

- Скажи, чего бы ты в оставшейся жизни хотела? – спросил я притихшую Варвару.

- Выйти за тебя замуж, - не задумываясь, озвучила она то, что говорила уже не раз, но на чем, слава богу, не настаивала. Надо отдать ей должное: имея к этому времени лаконичный набросок моего прошлого, превратить его в полноценную картину она не стремилась. Младше меня на восемь лет, битая жизнью, разведенная и бездетная, она была умна,

образована, тактична, когда надо - язвительна. Ей хватало и опыта, и воображения, чтобы не попрекать меня былым и обходить молчанием грядущее.

- А с чего ты решила, что я тебе подхожу?

- Просто знаю, и все.

- Моя бывшая тоже так считала...

- В отличие от нее я выведу тебя в люди.

- Каким это образом? – подивился я совпадению ее интереса с намерениями владельцев аппарата.

- Я вижу твои сильные и слабые стороны. Будешь меня слушать – пойдешь в гору. Уверена, она тебе по силам.

- То есть, брак по расчету в обмен на гору?

- Почему нет? Или ты спишь со мной из жалости?

- Еще чего! Я что, похож на благотворителя?

- Ты похож на самого себя. Ты умный, красивый, сильный и самостоятельный мужчина. А я? Что ты думаешь обо мне?

- Варюха, ты изящная, утонченная, чувственная, элегантная женщина, и я очень хорошо к тебе отношусь, но для брака этого мало, понимаешь?

- Мало? А ты пойди, поищи! И половины не найдешь!

- А знаешь, почему мы с женой разошлись?

- Почему?

- Я ей изменил. Уж на что я ее любил, а все равно изменил.

Изменю и тебе.

- Измену я, конечно, не потерплю, только, надеюсь, до этого не дойдет, - хладнокровно отвечала Варвара. - Это не в

твоих интересах. Ты же не собираешься оставаться бобылем до конца жизни?

- Не хотелось бы.

- Тогда должен понять, что повторно наступать на одни и те же грабли непрактично. Серж, милый, если тебе все равно кому изменять – не женись, а если не собираешься больше изменять – женись на мне!

- Хорошо, я подумаю. А пока иди сюда... - потянул я ее к себе.

- Вот видишь, я тебе желанна! Я знаю, тебе со мной хорошо! – успела сказать она, перед тем как я опечатал ей рот.

5

Доведя нас до полного и взаимного изнеможения, я испытал похожий на извержение сливного бачка оргазм. Что ж, голод тела утолить не трудно, но как утолить голод сердца?

- Твое бы усердие, да в нужное русло... – опамятавшись, шевельнула набухшими губами Варвара, от которой как от двигателя внутреннего сгорания веяло машинным теплом.

- Что-то не так?

- Все так, все так... Прямо какой-то изнурительный, пронзительный восторг...

- Ты сказала про мои слабые и сильные стороны. Какие?

- Я неточно выразилась... Слабые, сильные – это все относительно... Зависит от обстоятельств... Наш Петька Кол-

дунов, например, в офисе с его агрессией просто невыносим, зато на митинге ему цены нет. Так?

- Ну, так...

- Другой пример: вот у тебя есть твердая жизненная позиция, но это позиция хорошего человека. С плохими людьми тебе тяжело. Приходится ее отстаивать, а их это бесит. То ли дело я – приспосабливаюсь к любой компании!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.